

сти» в родстве слов, а также призывает проводить дополнительные исследования этимологического родства при помощи семантического моделирования [5, 229].

Заключение. При классическом подходе к реконструкции семантики слов, в отличие от реконструкции формы, наблюдаются этимологические лакуны. Ретроспективный диахронический подход, учитывающий поэтапное преобразование семантики лексем, способствует внесению ясности в случаи дивергентных изменений семантики лексики. Таким образом, исходя из выше приведенных примеров, семантическое деривационное моделирование позволит дать детальное описание семантическим процессам не только в отдельно взятых группах лексем одного языка, но также и в сравнении с лексическим материалом других языков.

1. Бобрикова, Е. П. Системный потенциал семантических деривационных моделей и внутренней формы / Е. П. Бобрикова // Вестник МГЛУ. Сер. Филология. – 2018. – № 5 (96). – С. 75–84.
2. Бобрикова, Е. П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е. П. Бобрикова // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2015. – Т. 20. – С. 184–188.
3. Durkin, P. The Oxford Guide to Etymology / P. Durkin. – Oxford University Press, 2009. – 347 p.
4. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [at al.]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007. – 1 CD-ROM.
5. Trask, R. L. Historical Linguistics / R.L. Trask. – London: Arnold, 1996. – 280 p.

АДАПТАЦИЯ ПОЛОНИЗМОВ В ЯЗЫКЕ СТАРОБЕЛОРУССКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ «ПРОТЕСТАЦИЙ» ЯНА ЛИСОВСКОГО)

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Современное состояние белорусской историко-лингвистической науки позволяет делать достоверные выводы относительно истоков формирования белорусского языка и роли различных языковых заимствований в его современной лексической и фонетико-грамматической системе. Однако объем и границы таких заимствований все еще остаются предметом нередких дискуссий, разрешение которых зависит от достаточности выявленных и систематизированных языковых фактов.

Актуальность разрабатываемой темы определяется необходимостью накопления языкового материала и знаний в области исторических лингвистических взаимодействий, которые в итоге позволят более точно определить исторические процессы в области языка, сформировавшие современные восточнославянские языки и, в первую очередь, белорусский язык.

Цель работы – определить объем языковых заимствований и внутрилингвистические направления адаптации таких заимствований на примере конкретного памятника письменности.

Лингвистическое изучение таких исторических документов позволяет определить: 1) тематический состав пришедшей в белорусский язык иноязычной лексики; 2) последовательность и динамику проникновения в язык иноязычной лексики; 3) способы, условия и уровень фонетического, лексического и грамматического освоения заимствований языком-реципиентом.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил документ от 6 июля 1633 года, известный историкам и языковедам под довольно длинным названием «*Протестация, занесенная в Полоцкия магистратския книги, со стороны ротмистра королевскаго, подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго, противъ мещан Полоцкихъ...*» [1,90]. Исследование проведено методом сравнительно-исторического анализа языка документа.

Результаты и их обсуждение. Находящаяся в нашем распоряжении копия названного документа представляет собой текст, исполненный кириллицей. Текст состоит из трех частей. Первая часть – предисловие писаря «*Места Полоцкокого*» Яна Дагилевича, который сообщает, что 6 июля 1633 года «*перед бурмистрами, райцами и лавниками*», собравшимися в ратуше полоцкой, выступил «*панъ Янь Лисовский, ротмистр его королевской милости*» с заявлением об измене полоцких мещан (*Здесь и далее графические особенности оригинала по техническим причинам упрощены.* – Л.В.). «*Чрезъ эту измену Полоцкъ подвергся разорению*» со стороны войска московского. Основная часть документа – дословная передача заявления Яна Лисовского. И третья часть – указание писаря на то, что подвоевода Полоцкий Ян Лисовский просил, чтобы его жалоба «*до владу меского ратушиного*» была записана, что и было сделано.

Нас интересует именно та часть текста, которая записана от первого лица, отражает речь Яна Лисовского, *«полоцкого подвоеводы и ротмистра королевского»*, которая как раз в силу этих причин должна была бы в максимальной степени отражать его приверженность традициям языка Речи Посполитой. Лексические единицы типа *лянтвойт, бурмистр, райцы, лавники* мы исключаем из рассмотрения, поскольку они в силу своей номинативной специфики не отражают живую народную речь.

Обратимся к некоторым конкретным примерам, извлеченным из этой части текста.

Здесь мы выделяем ряд примеров, не вызывающих сомнений относительно их происхождения. Сравним.

Меновите, польск. *mianowicie*; совр. белор. *менавіта*; совр. русск. «а именно»: *«А меновите в року теперешнемъ»*.

Рок (року), польск. *rok*, совр. белор. *год*, совр. русск. *год*, древневосточнославянское *лето* (здесь и далее в тексте по техническим причинам букву ять мы вынуждены заменить на букву Е, что, впрочем, не имеет существенного значения в русле нашего исследования – Л.В): *«Року тысеца шесть сотъ тридцать третьяго...»*, *«того року»*, *«а меновите въ року теперешнемъ»*. В белорусском языкознании существует мнение, что существительное *рок* ('год') изначально является старобелорусским. Однако при таком подходе история этого слова в старобелорусских текстах не имеет объяснения.

Обещность, польск. *obiecność*, совр. белор. *прысутнасць*, совр. русск. *присутствие*, 'наличие': *«При обещности ваших милостей»*.

Колвекъ, польск. *kolwiek*; совр. белор. *магчыма*; совр. русск. *возможно*: *«якую колвекъ для обороны места вежу збудовали»*.

Лечь, польск. *lecz*; совр. белор. *але*; совр. русск. *но, однако*: *«лечь некоторые особы зъ мешчанъ...»*.

Нагле, польск. *nagle*, совр. белор. *нечакана*; совр. русск. 'внезапно, неожиданно': *«Нагле... мело наступовать на замок»*.

Тумульть, польск. *tumult*; совр. белор. *замышанне*; совр. русск. *мятение*: *«...въ великомъ тумулте и въ галасахъ»*

Нespoдеване, польск. *niespodziewanie*; совр. белор. *раптоўна, неспадзявана*; совр. русск. *неожиданно*: *«(Войско) несподеване и нагле мело наступовать на замок и место Полоцкое»*.

Жадный, польск. *żaden (żadna, żadne)*, совр. белор. *ніадзін, ніякі*; совр. русск. *никакой, никто, ниодин*: *«Въ замку нижнемъ жадное вежи будовать»*, *«жадным способомъ до обороны и до сторожи»*.

Выналязокъ, польск. *wynalazek*; совр. белор. *вынаходніцтва*; совр. русск. *изобретение*: *«Нашого спольного доброго и здорового выналязку ку обороне»*.

Немней, польск. *nie mniej*; совр. белор. *не менш*; совр. русск. *не меньше*: *«немней – ижъ нежычливість противко кролеви...»*

Нежычливість, польск. *Nieżyczliwość*, совр. белор. *непавага*, совр. русск. *неуважение*: *«Нежычливість противко кролеви...»* - 'Неуважение к королю'.

Шкода, польск. *szkoda*, совр. белор. *шкода*, совр. русск. *вред*: *«Немалая шкода его королевской милости»*.

Барзо, польск. *bardzo*; совр. белор. *вельмі*, совр. русск. *очень*: *«въ речи барзо велце его королевской милости... шкодливу»*.

Претивко, польск. *przeciw*; совр. белор. *супраць*; совр. русск. *против*: *«Непослушенство претивко зверхности и урадови своему»*.

Менее активны в тексте «Протестации...» грамматические особенности, которые можно с достаточной долей уверенности отнести к грамматическим формам, указывающим на их западнославянское происхождение. Этот факт является показательным. Дело в том, что грамматическая структура языка является более устойчивой к изменениям и тем более к заимствованиям. На фоне лексической межъязыковой подвижности именно грамматическая система языка является основным показателем сформированности языка как самостоятельной коммуникативной структуры.

Вместе с тем в анализируемом тексте выделяются две грамматические, свойственные как раз грамматической системе польского языка. Среди таких форм отмечаем:

1. Достаточно последовательно использующиеся польские или полонизированные формы глаголов первого лица единственного числа.

Донеслемь, польск. *zgłosilem*, совр. белор. *наведаміў*, совр. русск. *доложил, сообщил*: «Донеслемь дей словне...».

Далемь, польск. *dalem*, совр. белор. *даў*, совр. русск. *дал*: «Далемь писарови мескому».

Учинилемь, польск. *uczynilem*, совр. белор. *я зрабіў*, совр. русск. *я сделал*: «Учинилемь въ голось на нихъ словную протестацію».

Радиломь, польск. *radzilat*, совр. белор. *раіў, пратаноўваў*, совр. русск. *советовал, предлагал*: «Всімь радиломь».

2. Польские (или полонизированные) формы дательного падежа единственного числа некоторых существительных.

Кролеви, польск. *królowi*, совр. белор. *каралю*, совр. русск. *королю*: «И немней низъ нежичливостъ противко кролеви его милости».

Урадови, польск. *rządowi*, совр. белор. *ураду*, совр. русск. *правительству*: «Противко... урадови своему».

Писарови, польск. *urzędnikowi*, совр. белор. *пісару*, совр. русск. *писарю*: «Далемь писарови мескому».

Однако и здесь все не так однозначно.

Известно, что окончание *-ови* в дательном падеже единственного числа было характерно еще древнерусскому (общевосточнославянскому) языку для существительных древнейшего (праславянского) типа склонения на **-ŷ*, и можно предположить, что такие формы легко усваивались старобелорусским языком ввиду их генетической общности и активно использовались в старобелорусском языке. Обратим внимание, что окончание *-ови* в дательном падеже единственного числа присутствует, как можем судить по приведенным примерам, и в лексемах собственно восточнославянского характера (*писарови*). В истории языка эти формы в белорусском языке, как и в русском, получили окончания *-у (-ю)*. В польском и сегодня сохраняется окончание *-owi*: *rządowi, profesorowi, narodowi*.

Обращает на себя внимание и использование форм превосходной степени прилагательных, образованных с помощью приставки *най-*, которая сегодня является нормой польского языка, откуда и пришла в белорусский язык для образования форм превосходной степени. По мнению некоторых языковедов, приставка *най-* была известна еще общеславянскому языку-основе [2,142]. Однако в наших примерах наблюдаем редукцию звука [й] в приставке, которая выражается пропуском буквы *Й* при написании: «До *на(й)мнейшого* послушенства...», «*на(й)преднейшими* въ ратушу герштами (вероятно, из немецкого *herst* – ‘производство, организация’) до бунтовъ...».

Заключение. Лексико-грамматическое изучение текста «Протестации...» Яна Лисовского позволяет сделать вполне определенные выводы о высокой степени самобытности языка Полоцка уже в первой трети XVII века. Вместе с тем лексические заимствования активны и свидетельствуют о высокой степени языкового взаимодействия. Однако такие лексические заимствования подвергаются адаптирующему воздействию местной живой речи. А это возможно лишь в том случае, когда язык, принимающий заимствования, представляет собой системную, устойчивую структуру. Об этом свидетельствуют и цифры. Так, основная часть текста анализируемого документа, непосредственно передающая от первого лица заявление Яна Лисовского, содержит около 650 слов. Из них слов, в той или иной мере содержащих признаки полонизмов, - около 60 единиц. Из них собственно полонизмов, сохраняющих полностью или частично форму языка-донора, мы выделили 48 единиц, что составляет всего около 7,3% от общего словарного состава анализируемой части текста.

1. Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Том второй. 1599-1637. – Санктпетербург, 1865 г. – 314 с.

2. Гурскі, М. І. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў / М. І. Гурскі. – Мінск, 1972. – 264 с.